

COVID

19

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Акимкин Л.С.

Леонид Сергеевич Акимкин

COVID 19

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63678552

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-94132-8

Аннотация

Covid 19. Вирус, который изменил жизнь всего человечества, и две тысячи двадцатый год показал, насколько мы готовы или не готовы к переменам. Но что, если на этом изменения в жизни общества не закончились? Что, если вирус разделил общество на касты. На свободных людей с повышенным иммунитетом и на тех, у кого только базовый? И все это привело к новому крепостному праву, к закреплению тех, чей "ковидный" статус равен "девятнадцати". Все это только для их спасения. Или все не так просто? Главный герой ищет ответы на эти и другие вопросы.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Леонид Акимкин

COVID 19

Глава 1

«Косоворотка»

Ворот жутко натирал шею. Я уже неделю ношу косоворотку, а привыкнуть к ней все не могу. И это у меня еще не забрали «Жиллет», у Семена забрали и от опасной бритвы у него жуткое раздражение. Косоворотка ему раздрает кожу в кровь.

А не носить ее нельзя, сразу запись в служебную карточку. Нас пока не наказывают, но в соседней деревне говорят уже порют, причем жестко. Как раз по служебным карточкам и смотрят кому сколько плетей, а кого и на каторгу продать. А мы все вначале артачились, требовали свои права и свободы. Только нет ее больше, свободы, у таких, как мы.

Двери кабинета открылись и мне навстречу, широко расставив руки, вышел барин. Вид у него был немногим нелепее моего. Шелковый халат с китайскими драконами был заправлен прям в треники «адидаас», отчего барин казался еще

толще, чем был на самом деле.

– Алексашка! – выкрикнул барин и со всей мощи стиснул меня в своих объятиях. После он стал нацеловывать меня в губы на ново-старорусский манер. На втором смачном чмоке я не выдержал и вырвался.

– Юра, мать твою итить! – выкрикнул я, вытирая рот рукавом косоворотки.

– Цыц! Кому Юра, а кому и барин, – процедил он сквозь зубы и затолкал меня в кабинет.

Юрку я знаю давно, еще со школы. Он всегда был юмористом и душой компании. С ним было одинаково весело поджигать тополиный пух в младших классах и пить портвейн за гаражами в старших.

Потом я пошел в армию, а Юрка в институт. Но у нас городок был небольшой, и мы часто оказывались в одной компании, даже успели подружить взрослой мужской дружбой. А потом жизни резко изменилась. И теперь Юра Феоктистов дворянин, а я его холоп.

– Сань, ну в самом деле, дружба дружбой, а приличия то надо соблюдать, – Юра посмотрел на меня из-под бровей и, словно обидевшись, отвернулся.

– Извини, Юр, – я немного помолчал и добавил, – ты же понимаешь, это нелегко принять.

– Так, отставить! Сто раз уже оговорено все и в трезвом виде, и в пьяном, и в других всяких состояниях. Нет во всем этом ни твоей, ни моей вины. И наше дело надеяться и ждать.

Уверен, все это ненадолго.

– Надолго, ненадолго... Да вот только управляющий говорит, что со следующей недели вместо трико и кроссовок выдадут шаровары и лапти.

– Да ты слушай больше его, – сказал Юра и залихватски подмигнул мне, доставая штоф с «Джеком», – он всем рассказывает, что мы с тобой гомосеки, вернее мужеложцы, так же сейчас надо по-новому говорить?

– С чего это?! – от неожиданности мой голос сорвался почти на крик.

– Да я сам ему рассказал.

Не успел я возмутиться, как Юра продолжил: «Ну а как ты хотел, Санек? У меня жена реже бывает, чем ты. Дворовые уже косо смотрят, а так я типа би, ты типа гомик...»

– А почему я не би? У меня тоже жена есть!

– Ну хорошо, будешь би, – сказал Юра и засмеялся во весь голос, расплескивая бурбон во все стороны.

Когда он немного успокоился, то добавил: «Сейчас время такое, с каждым днем будут все сильнее гайки закручивать. А ЛГБТ, наоборот, приветствуется, даже межсословное. Так что пока так Санек, пока так».

Глава 2

«Солдатка»

Кроссовки забрали через неделю. Свободу ношения штанов оставили, а обувь теперь либо лапти, либо валенки, либо сапоги по церковным праздникам. Видок у крепостных теперь был тот еще. Косоворотки с джинсами, спортивными трико и даже с брюками, с теми что со стрелками.

У баб дело обстояло попроще. Под длинными сарафанами и мешковатыми рубахами в пол штанов видно не было, хотя штаны были на любой фасон. Все как могли старались подольше оставаться с атрибутами прошлой жизни. Кто-то украдкой пользовался зажигалкой, кто-то читал электронную книгу в свете лучины, кто-то слушал музыкальный плеер.

У меня ничего такого не было, у меня был Юра. Мой баярин и друг в одном лице. И вся деревня мне завидовала. Почти всегда, но не всегда. Например, сегодня. Утром раздавали лапти и, если кому-то не везло с размером или с отсыревшим лыком, то мне же не повезло с чувством юмора Юры.

Мои лапти были старательно разукрашены под двенадцать

тые «Леброна» в оранжево-желтых цветах. Так же к лаптям прилагались ярко синие шнурки и записка от Юры. В ней говорилось, что он не успел приладить шнурки, и теперь я должен озаботиться их устройством в общую конструкцию лаптей и предоставить результат к вечеру.

Как будто мне больше нечем заняться. Сегодня я должен познакомиться со своей женой, а тут еще эти лапти.

Официально я женат уже третий месяц, но жену свою еще не видел. Юра сказал, что мне понравится. Но, зная его чувство юмора, я нехило нервничал. Ее, Галину, привезли из Сибири после того, как ее мужа забрали в солдаты. Такой порядок, если один член семьи переходит на новую социальную ступень, другого перевозят в другую губернию и ищут нового супруга. Конечно это касается только крепостных, «девятнадцатых», как принято говорить в наше время.

А самое страшное во всем этом, что ни я, ни она отказаться не можем. Мы обязаны жить вместе и рожать детей согласно квоты или увезут на каторгу. А там долго не живут. Надеюсь мне повезет и Юра не последний мудака.

Приладив таки шнурки к лаптям, я отправился в избу свиданий. Идиотское название, но, как показывает практика, все идиотское приживается в первую очередь.

Наша деревня была поделена на три части: на мужской угол, женский угол и семейное поселение. На центральной площади стояла церковь и изба свиданий. Ничем «таким» в ней не занимались. Там знакомили жениха и невесту перед

свадьбой или как меня, уже женатого по факту. Причем я мог ее не видеть годами, пока не освободится изба в семейном поселении. Но и тут барин мне подсобил, построил новый домик для новобрачного меня.

В избе свиданий было довольно темно, видимо, чтобы женихающиеся сразу не впадали в панику при виде друг друга. Посередине одной из бревенчатых стен было маленькое окошко со ставнями изнутри, чтобы молодые могли вместе его открыть и рассмотреть друг друга после того, как отойдут от первого шока. Помимо окна в доме были две скамейки у противоположных стен и довольно прохладно, чтобы процесс знакомства не затягивался.

На дальней лавке сидела женщина. Как только я вошел, она встала и поклонилась.

– Галина я. Жена Ваша, – сказала она и поклонившись еще раз села обратно на скамью.

– Здравствуй, – ответил я.

Галина снова подскочила, быстро поклонилась еще раз и опустив голову затараторила: «Мужа моего в солдаты забрали, детей нет. Рожать могу. По дому все могу, могу в поле, могу кирпича лепить, могу скотину бить, могу...»

Голос у нее был низкий, зычный. Раньше бы его назвали сексуальным, сейчас так говорить нельзя. Сейчас скажут бабий голос. На вид ей было лет тридцать, может меньше, сумрак все-таки играл свою роль. Роста она была немалого, наверное, мне впору. И все в ее виде было другим. Все-таки

в Сибири процесс реновации шел намного быстрее. И дело даже не в том, что в наряде моей жены не было предметов современности, она была другая.

Все в ее виде было, как по учебнику: и груботканое платье, и украшение из медных монеток, и натруженные мозолистые руки, и взгляд. Довольно милостивая женщина с длинной тугой косой рыжих волос, открытое веснушчатое лицо, большие серые глаза и полные губы. Она мне понравилась, но взгляд, взгляд, полный покорности и всепринятия, у наших женщин он еще не такой. У наших во взгляде протест и тихая злоба. Наши способны на бунт, у наших еще есть надежда. В ее глазах не было ничего.

Я молча кивнул ей и вышел. Окошко открывать не захотелось. Я направился в семейное поселение к своему новому дому, а за мной, не поднимая головы, семенила солдатка. Я один раз оглянулся, Юра-гад, солдатка была выше меня минимум на полголовы.

Глава 3

«Девятнадцатые»

Сегодня проверочный день. Все, кто не занят на обязательных работах, собираются на площади. Обычно Юра меня отмазывал от этих дней, но управляющий и его помощники отслеживают всех, кто пропускает и могут доложить в тайную канцелярию. И иногда мне все-таки приходится идти на проверку.

– Девятнадцатые! – все, кто переболел COVID-19, вышли в первый ряд и протянули правую руку. Помощники управляющего быстро провели измерения. Потом то же самое сделали «двадцатые» и остальные, вплоть до «двадцать пятых».

Такие деревни, как наша, находились в низших зонах COVIDA, и там проживали низшие касты от «девятнадцатых» до «двадцать пятых». Внутри общины было более тщательное внутреннее деление сословия. Такие, как я, «девятнадцатые» были крепостными, и повышение иммунного статуса могло привести только к забриванию в солдаты или службе в посольствах, но только все равно крепостным. То же самое касалось всех, вплоть до «двадцать четвертых».

Конечно, быть «двадцатым» гораздо лучше, чем «девятнадцатым», «двадцатый» имеет право выбрать себе ремесло. «Двадцать первый» может обучаться грамоте. Конечно, сейчас мы почти все грамотные с высшим, никому не нужным образованием, но лет через пятьдесят все изменится. «Двадцать второй» будет всегда работать при усадьбе барина, не зная работы в поле. «Двадцать третий» станет охотником или будет следить за порядком в деревне. «Двадцать четвертый» будет управляющим или его помощником. А «двадцать пятый» он уже свободный, он гражданин, но прожить может только в «девятнадцатой» зоне с правом посещения «тридцатой зоны». «Двадцать пятых» называют евреями COVIDa, так как все они торгаши и менялы.

Иногда иммунный статус вырастает, обычно это бывает у «двадцать третьих», они вечно шарятся где-то по лесам. И их увозят рекрутеры в армию. «Двадцать пятые» тоже частенько выстреливают по социально-иммунной лестнице и им разрешают переселиться в зону «тридцатых», если только уплатят налог. А он не маленький и его надо платить за каждого члена семьи. Поэтому очень часто такие счастливики исчезают по ночам, бросив жен и детей на произвол судьбы. За это их не любят еще больше.

Сегодня повышений не случилось. Кто-то ушел разочарованным, кто-то наоборот с облегчением. Я же относился ко всему этому с полным безразличием. Как так получилось, что пятнадцать лет назад у всех нас была другая жизнь. Со-

вершенно другая жизнь с другими заботами и ценностями, без лаптей и солдаток. Пока не случилась пандемия. И все полетело в тартарары, и моя работа менеджером, и ипотека с кредитами на отдых и автомобиль, и надежды на более успешное будущее. На бОльшую работу, на бОльшую ипотеку, на бОльшие кредиты.

Все стало неважным. Вернее куда важнее стали лапти с джинсами и величина налогов. Юра, блядь, ломит их с каждым годом все больше и больше. Совсем охерел барин, совсем...

Глава 4

«Шпатен»

Меня разбудил управляющий. Так происходит только в одном случае, когда барину печально. Двери в избах не закрывались, поэтому нависшее надо мной злое, заросшее косматой бородой по самые глаза лицо управляющего стало для меня чем-то обыденным.

– Встовой, барин требует, – прохрипел он.

Есть какая-то странная манера у управляющего и его помощников намеренно коверкать слова. Так они, наверное, чувствуют свою важность, эдакое небольшое деревенское величие.

Я быстро встал, благо спал на палатках и одетым. Солдатке я отрядил печку. Не хотелось мне с ней пока сближаться, пугает она меня своей молчаливой покорностью. За три дня я услышал от нее не более десятка слов и те, в основном, были из разряда «завтрак-обед-ужин». Не человек, а робот с сиськами. С нормальными такими...

На улице было довольно прохладно, и я решил пробежаться до усадьбы, чтобы совсем не озябнуть. Управляющий сна-

чала решил было трусить за мной, а потом, смачно плюнув под ноги, махнул рукой и пошел куда-то по своим ночным делам. Бегать ему точно не с руки, должность не позволяет и тяжеленные кирзовые сапоги с набойками.

Юра сидел в любимом кресле, свесив ноги через боковой пуфик, что означало только одно – он в печали и нет ей предела. Когда я зашел, он взглянул на меня, пуча глаза, и вскинул руку в «зигообразном» приветствии. Одет он был совсем не по-барски. Рваные джинсы, футболка с надписью «АС/ДС» и цветастые кеды. Так можно ходить в «тридцатой» зоне и в более высоких по статусу зонах.

– Опять на дворянское собрание ездил? – спросил я.

Юра утвердительно махнул головой. Его борода от долгого лежания подбородка на груди загнулась, как у Ивана Грозного на картине и вкуче с выпученными глазами придавала ему демонический вид. Юра выковырял из недр кресла банку «Шпатена» и бросил ее мне. Теперь точно пойдет пена, я замотал банку в скатерть журнального столика и потянул жестяной язычек. Газы из банки нарастающе зашипели и скатерть быстро намочла от выталкиваемой ими пены. Юра молча смотрел за моими манипуляциями и, тяжело вздохнув, махнул на все это рукой.

– Ну рассказывай, – сказал я после долгого глотка. В деревне пиво промышленного розлива пить запрещалось. А я его очень уважаю, особенно импортное.

Юра что-то промычал, шумно повыдыхал через губы,

изображая лошадь, достал себе пива и сказал: «Козлы».

Глава 5

«Тридцатые»

Юра любил дворянские собрания и не любил одновременно. Любил за то, что мог уезжать в «тридцатую зону», в тот мир, который был до пандемии и который теперь закрыт для всех, кто ниже «двадцать шестых». Там все осталось по-прежнему. Почти по-прежнему, везде теперь свои заморочки, но все же... На дорогах автомобили, в небе самолеты, под землей метро и шахтеры. Там двадцать первый век живет в своей канве.

Вот там, в том почти нормальном мире и проходили слеты новоиспеченных дворян с ковидным статусом «тридцать». Так же там проживали люди с цифрами в тестах от двадцати шести до тридцати пяти. Все они были свободными гражданами с одинаковыми правами и свободами, только табель профессий делил их согласно иммунитета и не более.

Грубо говоря, «двадцать шестой» – марш на завод, «двадцать девятый» – иди и руководи чемнибудь, «тридцатый» – в дворяне и так далее.

И вот в этом мире современности раз в месяц дворяне за-

катывались в какой-нибудь ночной клуб, где отрывались за долгие дни скучной деревенской жизни. А потом в том же «ночнике» искали кабинет или угол, где потише и начинали так сказать накопленные измышления изливать друг на друга.

На наше крепостное счастье они не могли принимать законы и правила, но могли писать в Сенат холодными зимними вечерами всем своим комьюнити с различными требованиями. В том году все требовали разрешить им бить крепостных без причины и поговаривают, что такой закон примут.

Благо мой барин был спокойный и миролюбивый человек и на подобные провокации почти никогда не велся. Он тихо, мирно напиваясь, слушал весь этот бред, а потом приезжал и изливал боль и возмущение мне, а иногда и на меня...

Вот и сейчас, раздобыв нам еще по пиву, ящик он что ли в кресле прячет, Юра начал: «И эти люди претендуют на звание поместья высокой культуры, Саня!»

Я, не отрывая банки от рта, покачал головой в знак усиленного внимания.

– Дубровские, семейка Адамс, что творят! Занялись выводом новой породы! Так и говорят, мы взяли на себя миссию по разведению крепостных нового типа, так сказать крепстьянин 2.0. И ведь не шутят! У них же три брата и сестра, идиотка веганская, деревень под три десятка, вот и чудят. Стали в одну деревню, к сестренке придурошной, свозить

всех блондинов высокого роста и баб им под стать. А если, говорят, хватать не будет, выменивать станем у друзей. Благо торговать вами нельзя, но долго ли? Они и подписи стали собирать под петицией о свободной торговле крепостными!

– Подписал? – с напускной серьезностью спросил я.

– Да что ты обо мне думаешь?

– Что прям при всех взял и отказался? – я продолжил подначивать Юру.

– Да! Нет! Притворился, что смертельно пьян и сплю, – Юра стушевался, – но не подписал же?

– Молодец! – резво выкрикнул я.

– Да пошел ты... А Смирнов что учудил! Помнишь, я тебе про него рассказывал, пришибленный такой? Ну что призвал нас к революции, против системы и такое всякое?

– Да, помню, говорил ты, – коротко ответил я и потянулся к новой банке.

– Ну, этот значит нигилист-извращенец, распустил своих крепостных! Подписал каждому вольную и адъё! Прощайте униженные и оскорбленные!

– А что так можно?! – я аж поперхнулся и закашлялся.

– Нет, конечно, Санек, неужели бы я тебе вольную не дал?

– Дал бы, – сказал я и добавил, чтобы подразнить друга, – наверное.

Юра показал мне «фак» и продолжил: «Так его крепостные что натворили? У нас же никто не верит в ковидные зоны. Типа вот такой заговор, чтобы рабство легализовать.

Ну и ломанулись они скопом в «тридцатку». А там же леса сплошные, болота, кордонов мало... Почти все смогли просочиться... Ни одного не смогли спасти... Почти восемь сотен, женщины, дети! Все погибли!»

Это было ужасно. У нас и правда почти все думали, что все не так, как нам преподносят. Многие думают о побеге в старую жизнь, к «тридцатым», но с нашим иммунитетом к COVIDу выжить можно только в «девятнадцатой зоне», будучи крепостным, бесправным. Ибо если бы они у нас были, права эти, мы бы уже все, как Смирновские в общей яме под известью гнили. Потому что надежда умирает последней. В той же яме, под той же известью.

– И что теперь со Смирновым? – спросил я.

– В солдаты пойдет, на Кавказ, сука!

Глава 6

«Сибирские секреты»

Моя семейная жизнь стала потихоньку налаживаться. Галя так и осталась молчаливой, со всем согласной бабой, но мне это даже нравилось. Юра сказал, что это нереализованные барские амбиции, что мне тоже хочется своих крепостных. Конечно, хочется, кто не хочет быть барином, но в отношении Галины это другое. Как то по сердцу мне ее молчаливое присутствие. Она всегда рядом, всегда слушает меня, я для нее важен.

Да и все, что касается интимной жизни, у нас хорошо, в сексе Галя совсем другая, как будто копит весь день энергию, чтобы отдать ее ночью мне. Такая она, все мне, все для меня. Мечта эгоиста и, видимо, я эгоист.

Я даже стал задумываться о подаче прошения на детей. Все-таки я уже не мальчик, да и дети у нас будут здоровые... Все в мать. Юра ржал, наверное, неделю, не переставая, при встрече со мной, но стоило рядом появиться Солдатке, как он умолкал и начинал что-то мычать про погоду и сенокос. Она ему нравится, но благо Юра друг, да и мужик он с по-

нятиями. Меня не предаст, я уверен. Но вот в такие моменты Юркиных стеснений я был очень доволен собой и своей Солдаткой.

Я так и продолжил ее так называть про себя. Мне нравилось это, конечно, я вкладывал в это слово другой смысл. Мне кажется она сама по сути своей солдат, не в том смысле, что «дай ружо и айда в атаку». Хотя уверен и это ей по плечу. Есть в моей Солдатке какая-то внутренняя сила, которой нет ни у современных крепостных, ни у современных барьёв нашей губернии.

Почему она такая? Это особенность ее характера или в Сибири они все такие? Я всегда поражался нашему всеобщему принятию нового уклада. Да, конечно пропаганда работала двадцать четыре на семь, разъясняя необходимость нового уклада жизни. Мы все видели своими глазами, как в две тысячи двадцатом все надежды на выход из кризиса полетели псу под хвост. Ни одна вакцина не смогла обезопасить человечество от COVIDa. На наших глазах вымерла Молдова и Туркменистан. Распался Евросоюз, и Китай захватил Монголию. И это только в две тысячи двадцатом.

Но вот так без противления дать себя поработить... Как это стало возможным? Юра клялся, что не знает от чего так. Но предполагает, что видимо с неудачными вакцинами нам вводили что-то еще, что-то подавляющее волю. Когда-то все говорили, что с вакцинацией будет чипирование, возможно, это и произошло. Мы пришли к такому выводу, решили так

думать. Так удобнее, чем согласиться с тем, что желание выжить сильнее чувства справедливости и желания свободы. Что мы настолько стали мягкими и безвольными в двадцать первом веке, что готовы на добровольное рабство лишь бы только существовать.

Мои размышления прервала Солдатка. Она молча подошла и уткнулась головой мне в спину. Как она это делает при ее то росте, ума не приложу. Может приседает? Я не обращиваясь пошел на площадь, зная что за мной, бесшумно ступая, плывет моя рыжеволосая жена. Все-таки надо подать прошение.

Сегодня снова проверочный день. Юры не было в поместье уже неделю и увильнуть от данной процедуры мне не удалось. Сегодня в одном ряду со мной стояла Галина. Она вытянула свою тонкую руку вслед за мной. Какая же у нее удивительно белая кожа. Такая должна быть у барыни, которая никогда не работала в поле. И если бы не мозоли на тонких длинных пальцах я бы точно решил, что моя Солдатка сбежавшая из Сибири дворянка.

Помощник управляющего быстро провел сканером над моим запястьем, и на экране высветилось число девятнадцать. Хорошо, что не «крепостной». Он сделал шаг к Солдатке, отсканировал ее запястье и на экране появились цифры «двадцать семь»...

«Вот это поворот!», – пронеслось в моей голове, а у помощника управляющего от неожиданности отвисла челюсть.

Так с отвисшей челюстью он и побежал в поисках начальства.

Глава 7

«Дуэль»

– Конечно, надо отпускать, конечно! – Юра вышагивал по своему кабинету, – надо, надо, а надо ли?

– Что значит, надо ли? – я аж покраснел от негодования, – Юра! Она «двадцать седьмая»! Она свободная! Её надо в «тридцатку»!

– Конечно, надо! Это справедливо! И мне понятен твой рыцарский порыв. Она уедет в «тридцатую» зону, станет там руководителем отдела продаж финских писсуаров. Заведет кота, пару любовников и подержанный «мини купер», чтобы быть несчастной и независимой. А главное свободной! Ну а ты будешь тешить себя своим благородством, спиваясь на моих запасах вискаря, пока однажды не залезешь в петлю. И хрен бы с тобой, если преставишься, но нет, тебя же спасут! А потом на каторгу, у нас за попытку самоубийства, напоминаю, на ка-тор-гу! И тогда я буду спиваться из-за чувства вины, а потом полезу в петлю и далее по твоей схеме. А там, на Якутских приисках, меня встретишь ты! Слепой на один глаз безногий калека, увидишь меня и начнешь причитать,

что я был прав! Потому что я прав!

– Что за бред ты несешь, Юра?! Ну допустим, я твой друг, твоя собственность, пусть так. Нет у меня выбора, а у нее есть! Она может быть свободной! У нее есть иммунитет!

– Пра-виль-но, – Юра плюхнулся на диван и, схватив с журнального столика трубку, стал ее усердно набивать табаком, – Только ты её спросил, чего она хочет?

– Да что её спрашивать! Она вообще не понимает, что происходит! Она сказала, что в Сибири проверочные дни, это когда всех по спискам проверяют! Она даже не знает, что такое COVID! Она крепостное право считает за норму и при этом она же когда-то жила нормальной жизнью, как мы все, но не помнит об этом ни хрена!

– В том-то и дело, Сашка. Я не знаю, что происходит в Сибири, может, там испытывают какие то «забывательные» лучи и через пару лет и ты, и я будем всецело полагать, что всю жизнь были барином и холопом. И дружбы нашей не запомним, но не это главное. Ты хочешь человека, ничего не понимающего в современном мире, не представляющего разницы между смартфоном и автомобилем, отправить туда? В «тридцатку»? В лучшем случае она сойдет с ума...

– И что делать? – спросил я. – Шила в мешке не утаишь, вся деревня гудит, и, если ты ее оставишь крепостной, быть бунту.

– Ну, положим, с бунтом ты перегнул, но и волнения среди народа мне не нужны. Вот мое предложение, вольную я

не дам. Но отдельный дом возле моей усадьбы, большой, хороший. От работ и податей она будет освобождена, я дам ей содержание и образование. Со временем начну вывозить в «тридцатую» зону и возможно, когда она освоится, тогда и рассмотрю вариант вольной. Опять же по ее желанию.

– А я? – ревность скрутила мне диафрагму, – Она же жена мне!

– А это уже пусть она решает, нужен ей муж крепостной или нет. И с тебя податей никто не снимает, а то точно бунт будет. Поговори с ней, постарайся, а не сможешь – я поговорю.

В этот момент в кабинет постучали. Юра и не заметил, как сам пошел открывать двери. Стоявший с той стороны камердинер опешил от этого, впрочем, как и гость, ожидавший приглашения.

Я еле успел поднять свой зад из кресла и метнуться в угол, где стал неистово натирать паркет рукавом косоворотки.

Гость стремительно ворвался в кабинет. Это был высокий худощавый мужчина в сюртуке, цилиндре и рваных джинсах, заправленных в сапоги. В одной руке он держал стек, в другой кожаную перчатку.

– Дубровский? – Юра узнал гостя и одновременно удивился его визиту.

Тот же молча ткнул Юру тростью в живот и несколько раз смачно саданул перчаткой по лицу. После чего обвел комнату взглядом, полным бешеной ненависти, и, задержав его

на моей скрюченной спине, прохрипел: «Дуэль, немедленно, сейчас же».

Глава 8

«Идиот»

Земский доктор закончил шить мою рану и помыв руки в тазу с теплой водой направился на выход. Следом за ним причитая слова благодарности семенил Юра. Доктору давно уже надо было быть на званном ужине у Юркиного соседа и от всех благодарностей со стороны моего друга он отмахивался с недовольным видом, правда скрученные в столбик ассигнации принял и прыгнув в свою коляску умчался.

Это мне еще повезло, что Гад-Дубровский притащил с собой этого костоправа, как того требовал дуэльный кодекс. Так бы этот любитель званых ужинов ни за что бы не приехал, даже если бы кто-то подстрелил самого барина.

Юра вернулся и словно курица наседка стал причитать о том, как же меня угораздило. Увидев в моих глазах не прикрытую злость залепетал: «Ну прости, прости старого дурака, что вот так. Я даже и не успел ничего сообразить, как бац и ты уже простреленный. И вообще все как-то не хорошо получилось...»

– Идиот, – тихо сказал я.

– Что, Санька? – Юра старался сидеть ко мне левым боком так, как под правым глазом отсвечивал сизым огромный фингал.

– Идиот, говорю, ты барин.

– Что есть, Саня, то есть. Тут не поспоришь.

Оказалось в ту неделю, что Юра был в «тридцатке» он решил вспомнить старые добрые времена и так сказать потроллить Дубровских с их идеями выведения новых холопов в соц. сетях. И мягко говоря увлекся. Если для всех остальных обитателей «тридцатки» правила жизни в соц. сетях не изменились, то для нового дворянства за «базаром» надо было следить всегда и везде. Иначе прискачет к тебе обиженный Дубровский и начнет требовать сатисфакции тут же и немедленно.

А Юра, как я понял по гневным высказываниям Дубровского оттянулся так сказать на все сто десять процентов. Мало того, что он поднял бучу по поводу заводческих идей этого странного семейства, он еще и умудрился пройтись по их личным качествам, по умственному развитию каждого, а особенно сестры. Удивляюсь, что не она приехала мочить Юру.

– Юра почему ты не стал с ним стреляться? Ничего бы не было если бы ты повел себя, как мужик.

– Саня, он член сборной страны по стендовой стрельбе в прошлом! Ты думаешь, почему за всю семейку всегда он впрягается? Он уже столько народу покосил. У них такой

бизнес, вызовут на дуэль, приезжает этот их, как его зовут то, Арсений по моему. Вот он приезжает вот так, стреляет дворянина, а потом они его добро под себя переводят. Заставляют родственников продать им за копейки имение и свалить в «тридцатку». Вот так они и разжились своими то деревнями!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.